

«Какова юность, такова и старость. То, что не посеяно, не созреет. Печален финал, когда человек может только сказать, что жизнь его промелькнула как тень».

С. Т. Коненков, великий скульптор

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

А. С. Пушкин

1. НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Академик А. Н. Крылов (кораблестроитель, математик, механик, адмирал флота – до революции 1917 года) в своей книге [3] пишет, что *«...только Л. Н. Толстой помнил, как его крестили, когда ему было три дня от роду»*. Я же впервые запечатлел себя в ряде эпизодов в возрасте, по-видимому, несколько более трех лет, когда находился в колхозных детских яслях. Они располагались в центре деревни и занимали одноэтажный, большой (сейчас бы сказали двухквартирный с отдельными входами по торцам), добротный, рубленый из толстых бревен дом. Особенностью ясельного дома была обшивка стен снаружи «на угол» строгаными крашеными досками одинаковой ширины с заходом каждой вышерасположенной доски на нижнюю выборкой в полтолщины доски. Вокруг дома был высокий ровный сплошной дощатый забор, а внутри – хороший фруктовый сад. Почему этот дом ранее был нежилым, куда делись его хозяева и почему в деревне не было претендентов на него, я не знал. Однако соседи все же следили за ним и огороженным участком. Вспомнив это, вдруг стало интересно все-таки узнать и что-то об истории дома и его жильцах. И надо же! Внезапно в памяти возник услышанный разговор родителей и деда на эту тему, я вдруг увидел всех родных, спокойно сидящих на кухне за самоваром и ведущих неторопливую крестьянскую беседу о давних временах. А говорили родственники тогда именно об этом доме, что построил его еще до революции 1917 года помещик для деревенского старосты, что староста был грамотным сельским управляющим, который с семьей уехал куда-то в начале 1920 года. Как позже рассказывал отец, деревня, тем не менее, без хозяина не осталась, так как на общем сходе жителей избрали нового старосту, сыгравшего во многом положительную роль в те времена непонятной для сельчан изменившейся власти, тем более в глухом, лесистом и болотистом Мещерском крае, куда Советская власть добиралась тяжело и трудно. Да это и понятно, ибо серьезных промышленных производств в округе не было и соответственно не было «передового рабочего класса – пролетариата», который мог бы быстро взять власть в свои руки и начать ломать старое и строить новое

общество. А крестьянство является очень консервативным, тем более жившее сравнительно не бедно, как это было в нашей местности. Устоялись твердый порядок и обычаи, менять ничего не хотелось, лучшей жизни сельчане и не представляли.

Кроме дома, высокого забора и сада помню, как в яслях вместе с другими детьми сидел за столом и пил из стакана ярко-желтый, прозрачный и настоявшийся вкусный и ароматный компот из яблок и слив. Через окна и ветки садовых деревьев падали на чистый хорошо выструганный дощатый стол теплые лучи солнца, и я уворачивался от них. Еще помню групповую прогулку с двумя нянями летом по деревенской улице и игры около яслей в жаркий солнечный день. Затем запечатлелась четкая в красках картина улицы в светлый весенний день, и я, идущий по ней, по-видимому, в возрасте уже около трех с половиной лет, в коротких серых штанишках и желтоватой рубашонке навывпуск, босой, как и принято было в деревенских семьях. Ясли почему-то к этому времени закрыли. Их наличие было явным благом для родителей-колхозников, и после ликвидации детского учреждения маленькие дети и я в их числе оказались предоставлены сами себе и улице; правда, я проводил много времени с дедом. А шел я играть к своему приятелю-родственнику и однокласснику Витьке Андрееву, дом которого стоял от нашего через четыре двора. Мать моя была из их рода – Андреевых. Встретившись с Витькой, мы стали соревноваться, кто сколько раз перелезет через толстое ошкуренное желтое сосновое бревно четырехугольного венца сруба, приготовленного для подвода его под дом этих родственников вместо сгнившего такого же нижнего венца. Андреевы уехали в 1936 году в Москву, и связь с ними потерялась. Я лишь помню, что отца Витьки звали Степаном. Это был спокойный, высокий и сильный мужчина, и в отличие от деревенских мужиков он не курил. Почему-то мои родители не пытались найти Андреевых в Москве, это мне и сейчас непонятно, хотя до их отъезда наши семьи роднились, ходили по праздникам друг к другу в гости. С другими же родственниками в столице мы поддерживали хорошие отношения.

Дальнейшее о моем раннем детстве помнится уже более четко и связано оно с родителями и сестрами, с деревенскими сверстниками, и очень многое с дедом (по отцовской линии) – Акимом Андреевичем, который быстро взял меня под свою опеку. Дед был образованным, обладал огромным жизненным опытом, мудростью и обширными знаниями. О нем я до сих пор вспоминаю с большой благодарностью. И сильно жаль, что я был с ним мало времени – менее четырех сознательных лет. О деде я отдельно рассказываю в главе 3.

Родился я в крестьянской семье в Рязанской области Спас-Клепиковского района в деревне Анциферово недалеко от границы с Егорьевским районом Московской области. Дом наш был пятистенным, срубленным из крепких сосновых бревен и покрыт железом. Снаружи высоко на углу прибитая металлическая табличка еще дореволюционной поры извещала, что дом застрахован в 1907 году от пожара. Когда и кем построен дом, я не знаю, но в середине 1930 годов ему

Наш дом в деревне Анциферово Рязанской области

было не менее 50 лет. В достаточно просторной кухне в два окна на улицу стояла добротная (не дымила при розжиге дров) русская печь с большой площадью полостей сверху, на которых могли спать четыре человека. За печью находилась выгородка (закуток); туда на 10–15 дней помещали теленка сразу после отела, обычно это было в феврале каждого года. Когда через 3–4 дня теленок уже твердо стоял на ногах, мы (дети) открывали в отсутствие родителей загородку в закуток и вместе с теленком играли и бегали по всему дому. В переднем левом углу стоял кухонный стол, а на стенах размещались несколько икон, перед которыми висела лампада. Кухня отделялась от горницы бревенчатой стеной с двухстворчатой дверью. Три окна горницы были обращены на улицу, одно – в боковой стене в проулок на соседний дом и небольшой пруд. Пруд служил водоемом на случай пожара; я же приносил с реки карасей и выюнов и пускал их в пруд. В комнате стояла небольшая круглая печь – голландка, обделанная вокруг крашеным листовым железом. Здесь же находились три металлические двухспальные кровати с сетчатыми пружинами: одна сразу направо за дверью, вторая – налево, третья – за голландкой. В левом дальнем углу размещался стол и вверху на стенах тоже висели иконы и лампада. Электросети в деревне не было, поэтому над столами в обеих комнатах висели керосиновые лампы типа «молния», и еще на столах стояли подобного вида настольные лампы. Все пять окон по лицевой стороне дома смотрели на юг, так что в комнатах было светло и солнечно. Под полом кухни и горницы имелось подвальное (подпольное) помещение, в которое на зиму засыпали картошку, закладывали кочаны капусты, свеклу, редьку, брюкву. Туда же спускали кадки с квашеной капустой и солеными грибами. Правда, часть картошки, свеклы и брюквы, а иногда и вилок капусты, закладывали в вырытую

на садовом участке в песчаном грунте глубокую яму, которую закрывали слоем сена и засыпали землей. Весной эту яму раскапывали и сохранившиеся лучше, чем в подполе, овощи переносили в него.

Перед домом со стороны улицы находился небольшой сад. В нем цвели мальвы, росли две высокие яблони, ежегодно плодоносящая груша, кусты смородины и малины. Практически по периметру всего забора, как внутри ограды, так и вне ее, разрослась вишня, которая каждый год давала обильный урожай крупных, сладких и сочных темно-красных ягод. Я связываю такое плодоношение с тем, что мать часто выгребенную из русской печи золу и угли рассыпала под кустами вишен и изредка выливала туда же кухонные помои. Думаю, что такое комплексное удобрение обеспечивало почву калием, кальцием и микроэлементами, необходимыми для формирования косточек и шкурочек вишневых ягод. Такой уход за деревьями подсказал матери мой дед, который сам делал так же.

Под крытой досками крышей двора стояли два хлева, перегороженных внутри изгородью с дверцей, для домашнего скота (корова, овцы, свинья, коза) и птиц (обычно куры и гуси, но были и белые «пекинские» утки). Там же находились и два амбара, один из которых, двухэтажный, имел на первом этаже ледник в виде глубокой ямы с обшитой досками стенами. Под крышей хранили сено для скота на зимний период. В теплую весенне-летнюю погоду я часто спал на душистом сеновале. От мух и комаров меня спасал просторный полог из марли. Иногда там спали и обе мои старшие сестры, особенно часто – младшая Валентина.

За хлевами стоял огороженный сад с яблонями, грушами, сливами, смородиной, малиной и терном. Здесь же делались грядки под огурцы, свеклу, горох, бобы и другие культуры. В саду находились баня из бревенчатого сруба и колодец с очень вкусной водой. Водопровода в деревне не было. За ограждением располагался участок, который засаживался картошкой, капустой и брюквой. В конце участка оставалась луговина около двух соток, которая обильно удобрялась весной навозом, и потому трава там росла густая и высокая. Иногда мать просила меня сходить накосить немного травы, когда ей казалось, что скотина не насытилась в поле. Площадь территории составляла 30 соток.

К сожалению, наш деревенский кров не сохранился. После переезда в 1958 году родителей ко мне в Арзамас-16 деревенские соседи продали по доверенности дом церковному притчу села Дунино, находящемуся в трех километрах от нас. Дом разобрали по бревнам и перевезли, но по какой-то причине сруб долго не ставили. А по прошествии нескольких лет бревна использовали на дрова для печного обогрева церкви. Написал я это и вспомнил очень подходящие к моему душевному состоянию слова поэта В. Хатюшина:

Моя деревня... Что с тобою стало!

Тебя снега засыпали до крыши.

«Уходят люди», – бабушка сказала.

Окрест стояла дремлющая тишь.

Угрюмых чувств и горьких мыслей полный,

*Я будто сильной болью обожжен...
 Как грустно-беден вид избы безмолвной,
 Где нет привычных в старости икон.*

Жители нашей деревни до отмены крепостного права в 1861 году принадлежали богатому помещику Анциферову, и в названии деревни сохранилась до сих пор эта фамилия. Почему-то при Советской власти, борясь с пережитками прошлого, не заменили название деревни на какое-то новое и модное, например, колхоз «Власть Советов», «Имени Ленина», что было тогда традиционным. Согласно легенде название наш районный центр получил в связи с тем, что в начале 18 века проезжал здесь зимой с конным груженым товарами обозом богатый купец Клепиков из Рязани и его сани провалились вместе с лошадьми в полынью реки Пры. Пытаясь выбраться из воды, купец обратился к Богу за помощью и в случае спасения обещал поставить здесь церковь. Купец спасся и действительно выстроил за свои деньги на высоком берегу реки храм, который долго называли в народе Спас Клепикова. Затем территория вокруг храма постепенно начала застраиваться жилыми домами, а в советское время это место стало районным центром с названием Спас-Клепики. Записанное рассказал когда-то мне большой знаток истории края, наш дальний родственник Колганов, учитель словесности, у которого в период 1909–1912 годов в классе церковно-учительской спас-клепиковской школы учился известный позже русский поэт Сергей Есенин. Здесь он написал очень много стихов, вошедших затем в сборник «Радуница», и под впечатлением от пребывания на озере Великом в окрестностях Спас-Клепиков особенно нравившееся мне певучество стихотворение:

*Выткался на озере алый свет зари.
 На бору со звонами плачут глухари.
 Где-то плачет иволга, схоронясь в дупло.
 Только мне не плачется – на душе светло.*

*Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
 Сядем в копны свежие под соседний стог.
 Зацелую допьяна, изомну как цвет,
 Хмельному от радости пересуду нет.*

...

А глухарей в окрестных лесах было много. Я, например, не раз спугивал их зимой, склевывавших почки с яблонь, даже в нашем саду. Однажды летом с отцом я пошел утром еще в сумерках в лес за белыми грибами и, обнаружив их около ели, все дальше по мху углублялся на коленях за боровичками, приподнимая ее нижние лапки (сучья). Вдруг около ствола поднялся вихрь воздуха, и что-то больно начало меня бить по голове и лицу, а я никак не мог увернуться из-за окружающих меня веток. Выскочил я из-под ели как ошпаренный и увидел, что в другую сторону, тяжело размахивая большими крыльями, выпорхнул огромный

темно-серый и тоже явно напуганный глухарь (длина его достигает 110 см, вес – 7 кг) с красивой ярко-красной широкой каймой вокруг глаз. Он, по-видимому, ночевал под этой елью, а я внезапно потревожил его сон. От ударов крыльями нос у меня покраснел и долго еще болел.

Районный центр находился от нашей деревни в 15 км по довольно разбитой грунтовой дороге и запомнился мне большими базарами на обширной площади с установленными во много рядов длинными дощатыми столами с индивидуальными навесами (крышами) и разложенными на них разными товарами и продуктами. Живность (куры, утки, овцы, коровы и др.) продавалась здесь же, но на отдельной территории. На базар примерно раз в два месяца ездила мать купить что-нибудь и одновременно продать свои продукты и живность. Чаще всего для продажи вывозились куры, гуси, овцы, свиное мясо или куриный пух, овечья шерсть. Для поездки выделялась колхозная повозка (летом – телега, зимой – сани) и определенная бригадиром лошадь. Каждый раз я уговаривал мать (за главного ездила всегда она, а не отец, хотя иногда она брала и его) взять меня с собой для охраны повозки и нашего имущества, но делала она это редко. О случаях воровства на базаре я не слышал, хотя говорили, что это бывало. Когда меня брали с собой, то для меня это был праздник. В эту ночь я старался крепко не спать (отосплюсь в течение трех часов в повозке), боялся, что уедут без меня. А вставать приходилось в 3 часа утра, чтобы в колхозной конюшне помочь запрячь лошадь. Деревенские ребяташки умели это делать. На базаре мне хотелось многое увидеть в разных рядах, посмотреть гадания и выпрашивания денег цыганками (их было почему-то всегда очень много), побывать на представлении цирковых артистов. Крытый шатер («шапито») цирка всегда стоял на базарной площади с весны до поздней осени. Крутясь согласно обещанию матери около повозки, я нередко отходил очень далеко, за что потом мать отчитывала меня как не выполняющего свои обещания охранять наше имущество и предпочитала чаще брать на базар кого-либо из моих сестер, если это было возможно. Еще помню из тех времен первый в жизни поход с отцом в районный ресторан. Мы сели за стол, заказали еду и морс, официантка все это принесла, и я попробовал первую в жизни котлету, так как дома ели только кусковое вареное мясо, а о мясорубке я и понятия не имел. Очень необычным и странным казалось для деревенского жителя, что обслуживает тебя другой человек. По моим понятиям, такое было только у бар в царское время.

Места у нас в округе лесистые, порой болотистые, с ручьями, речками и озерами. В частности, в районный центр Спас-Клепики можно было попасть, проехав через мост над старицей и два моста над Прой, которая очень петляет по этой территории. Леса тянутся на сотни километров. Еще в дореволюционные времена называли эту территорию Мещерским краем или просто Мещерой, раскинувшейся к востоку от Москвы по направлению к Владимиру, Касимову и Рязани. По Мещере много путешествовали писатели К. Г. Паустовский и А. П. Гайдар. Эти места прекрасно описаны в лирической повести К. Г. Паустовского [4],

многократно переиздаваемой в советское время: «В Меццерском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха... Но в нем заключена вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы... Этот клочок земли научил меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачное на вид, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь...». Природа края превосходно представлена на цветных фотографиях широко известного в советские времена фотографа В. Гиппенрейтера [5], имеющихся у меня в альбоме, в который я часто заглядываю, ностальгируя по родным местам. Недаром недалеко от нашей деревни организовали уже в 1970-е годы заказник и место отдыха для космонавтов на берегу Пры в примыкающем к реке красивом сосновом бору.

Мой день рождения записан 21 декабря 1930 года. Однако это не совсем так. Дело в том, что, как рассказывал отец, тогда в деревнях родившихся детей сразу не регистрировали (а рожали тогда только дома, так как везти 15 км по разбитой грунтовой дороге роженицу до районной больницы было опасно и неудобно), и только по прошествии 2–3 лет, если ребенок выживал, такую запись о рождении делали в сельском совете, а затем эти данные передавали в милицию районного центра, где хранились свидетельства о рождении и паспорта всего взрослого населения района. Документы там держали для того, чтобы из сельской местности люди не уезжали жить в города. И очень трудно было получить паспорт даже временно для поездки в чрезвычайных ситуациях. А когда мне исполнилось четыре года, этот архив сгорел. Для восстановления сведений о рождении при каждом сельском совете создали комиссии (в одну из них входил отец), которые обходили дома и опрашивали хозяев о датах рождения родственников. При этом комиссия осматривала каждого человека лично, чтобы не записать его по устным сведениям родственников слишком молодым или слишком старым, просили открыть рот и показать зубы. А в то время было модным выдавать себя чуть старше, особенно мальчишкам, так как хотелось как можно раньше пойти служить в Красную Армию на пограничную заставу, чтобы ловить многочисленных врагов и шпионов, засылаемых к нам из-за рубежа. Помню в школе уже в первом классе мы учили стишок с такими словами:

*Климу Ворошилову письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную Армию в нынешний год
В Красную Армию брат мой идет.
Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту
И встану вместе с братом с винтовкой на посту.
Товарищ Ворошилов, когда начнется бой
Пускай меня назначат в отряд передовой...».*

Климент Ефремович Ворошилов – Маршал Советского Союза (с 1935 г.) был в период 1934–1940 годов народным комиссаром обороны, членом Полит-

бюро ЦК КПСС. Постоянно демонстрировались кинофильмы о защите границ Родины, героизме бойцов и командиров, о шпионах, которых капиталисты тайно направляли к нам для нанесения вреда людям и народному хозяйству, торможения создания коммунистического общества. Например, часто сообщалось по радио и публиковалась серия повестей и рассказов о задержании или ликвидации около 450 нарушителей границ отважным пограничником Никитой Карацупой (будущим полковником) и его собакой Индусом. Даже в нашей деревне при клубе имелся спортивный кружок по подготовке физического развития будущих воинов. Особо отличалась пулевая секция, в которой спортсмены тренировались в стрельбе из мелкокалиберной винтовки в открытом тире на окраине деревни. Изредка давали поддержать винтовку или даже стрелнуть и нам – пацанам. Очень торжественно проходили зачетные соревнования по стрельбе. На них приезжали военные представители из районного центра с кубиками в петлицах, вызывая зависть у молодых ребят. По завершении соревнований некоторым метким присваивали звания «Ворошиловский стрелок» 2-й или 3-й степени и выдавались соответствующие документы и значки, повседневное ношение которых считалось очень престижным.

В связи со всеобщим желанием быть старше отец сразу добавил обеим моим сестрам (старшая – Клавдия и средняя – Валентина) по году, и стали они 1925 и 1927 годов рождения соответственно, а мою судьбу решил дед. Он думал, думал и, сделав меня несколько старше, назвал дату рождения в один день с «великим вождем Советского Союза и мирового пролетариата И. В. Сталиным» 21 декабря 1930 года. Пришлось мне потом и по настоящее время отмечать этот день одновременно с днем рождения Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича (жаль, что он не знал обо мне!), а когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал в 1964 году Л. И. Брежнев, то и у него несколько раз день рождения отмечался 21 декабря. Правда, потом его день рождения передвигали то на 19 декабря, то на 13 дней позже по старому стилю; в современных справочниках указан день рождения 19 декабря. Удивительно, что 21 декабря является и днем рождения у современного (2010 г.) президента Грузии Михаила Саакашвили. Может быть, ему, как и мне, приписали эту дату, тем более что для него она очень важна!

Деревня наша состояла из 75 дворов и располагалась на расстоянии около 300 метров от чистой реки Пры, впадающей в Оку (а она – в Волгу в Нижнем Новгороде). Напротив деревни Пра сильно расширяется, и здесь образовался остров длиной и шириной примерно 250 и 150 метров соответственно, заросший по краям берегов камышом. Остров называется «Левкин куст», а как и когда возникло это название – никто объяснить не может. Со стороны деревни от берега Пры до острова протока имела ширину около 25 метров и глубину до 3 метров. У нас, пацанов, протока служила местом аттестации ребят, обучающихся плаванию. А плавать хотелось научиться всем как можно раньше. Как правило, в 7 лет мальчишки уже умели. Считалось, что, если ты переплывешь протоку туда и обратно, то ты уже хороший пловец и тебя можно безбоязненно брать с собой на другие

участки реки и близлежащие водоемы. Для такой проверки собиралась ватага ребят, которые должны сами увидеть это действие и затем рассказать о тебе другим мальчишкам. Поэтому все жители деревни плавать умели, и, наверное, потому не было случая на моей памяти, чтобы кто-то из наших деревенских – пацанов или взрослых – утонул в реке.

Помещик Анциферов (о нем упомянуто выше) и его родственники жили под этой фамилией до конца 1917 года в нашей деревне – Анциферове. Их большой рубленый из толстых бревен многокомнатный одноэтажный красивый дом (благо вокруг были сосновые леса с «корабельными» стволами) стоял на высоком (примерно 1,6 м) толстом фундаменте из крепкого хорошо обожженного кирпича и сохранился до 2008 года (так сообщали дальние родственники из деревни). Под домом имелось подпольное глубокое помещение, разделенное на несколько отсеков. Дом располагался на краю огороженного сада размером примерно 200×200 м. В саду были каскадные пруды с рыбой, а территория сада засажена разнообразными фруктовыми и ягодными культурами. Очень много росло сортов груш. По-видимому, обустроивал сад какой-то ландшафтный специалист-дизайнер, так как все было размещено очень гармонично, красиво и планомерно, с соблюдением минимальной затененности низких деревьев и растений высокорослыми деревьями (сужу я об этом по состоянию сада в 1930-е годы). А может, кто-то из родственников помещика знал искусство паркового дизайна. У старых деревенских жителей сохранилась очень добрая память о членах семьи помещика, которые много помогали селянам, в том числе деньгами (где-то баре владели фабриками, куда часто уезжал кто-либо из них), привозили откуда-то для крестьян фруктовые и прочие саженцы, в связи с чем каждый хозяин имел свой хороший сад. Способствовали они и разведению пасек и сами держали много ульев, учили правильным севооборотам пашен. Как говорили родители и вспоминал наш седой сосед дядя Коля, все жители деревни были зажиточными (по определению И. В. Сталина всех можно было трактовать с начала 1930-х годов как «кулаки» и «подкулачники»), чему в немалой степени они обязаны помещику. Мой отец довольно много рассказывал о быте помещиков, так как часто бывал у них дома, ибо, обучаясь в церковно-приходской школе в соседней деревне Алтухово, сидел за одной партой с сыном помещика (окончивший церковно-приходскую школу считался по тем временам достаточно образованным человеком). Озорничали дети (мой отец и сын помещика) тоже вместе, лазили по садам, а особенно любили воровать у рыбаков из садков в реке редкую или особо крупную рыбу и выпускать ее в воду. Услышали они как-то от одного рыбака, что тот к возвращению помещика держит в садке жирного линя весом килограммов на семь, подплыли ночью к садку, вытащили рыбину и отпустили ее в реку. А потом вместе с этим рыбаком горевали, когда тот рассказывал приехавшему помещику, что держал для него вот такую огромную рыбину, а она непонятным образом выбралась из садка. После революции вся помещичья семья Анциферовых уехала на Запад (позже мы узнали – в Австрию). Их дом так и стоял закрытым до 1925 года, как и

не порушенный сад под присмотром старосты, хотя урожай фруктов и ягод аккуратно собирали и делили, кому это требовалось. В начале 1919 года прибыла на повозках в деревню группа людей в кожаных куртках. Кто-то из селян сразу выяснил, что приехали они громить помещичье подворье, избавлять население от пережитков прошлого. Это известие мгновенно облетело всю деревню, и собравшийся народ отстоял дом, постройки и сад помещика от разорения. Ждали затем жители деревни репрессий от большевиков, но они почему-то не последовали.

А в 1925 году создали в деревне первую сельскохозяйственную коммуну, правление которой разместили в помещичьем доме, в связи с чем он стал охраняться и при необходимости ремонтироваться, а сад взяли в общественное пользование. Наделы земель у крестьян (в полях они имели по несколько гектар или более) тоже объединили, оставив приусадебные участки по 30 соток. Председателем коммуны выбрали родного брата моего деда – Матвея Андреевича, который только за год до этого вернулся из германского плена, попав туда в 1915 году, будучи контуженным во время русско-германской войны (см. главу 3).

В 1928 году коммуну преобразовали в колхоз (коллективное хозяйство), а Матвей Андреевич стал его председателем. Правление колхоза тоже осталось в барском доме. Здесь же оборудовали зрительный зал со сценой, библиотеку и избу-читальню, работали кружки художественной самодеятельности. Даже я, когда учился в техникуме в 1946–1950 годах и летом приезжал на каникулы домой, выступал несколько раз на сцене с песнями и стихами или играл на мандолине. До начала Отечественной войны заведовал здесь «культурой» сын родной сестры (бабы Дуни) моего деда – Дмитрий (его должность называли «избач»). Я часто заходил к родственнику в читальню и просматривал картинки в книжках, особенно в журналах «Безбожник» и «Крокодил». До сих пор зрительно помню яркие красочные рисунки, например, идущего по деревне попа с кадилом в руках, обвешанного разным инструментом и кричащего: «Венчать, лудить, паять, крестить!» Еще запомнились два разноцветных плаката на стенах. На одном был нарисован согнувшийся человек с гримасой боли на лице, держащий одну руку над солнечным сплетением (чуть выше живота), и врезавшаяся надпись: «Потеря аппетита, непостоянные боли и тяжесть под ложечкой после еды – признак на рак!». Мы, пацаны, не понимая серьезности этого предостережения, часто при взаимных спорах по какой-либо причине и желая осадить партнера, крутили пальцем у виска и вопросительно говорили, а у тебя не тяжесть ли под ложечкой? Или, а ты не потерял ли аппетит? На втором плакате был изображен с окровавленным топором в руках иностранный военный с надписью над ним: «Итальянские войска вступили в Ливию», а под ним: «Позор кровавым капиталистам, подавляющим свободолюбивые народы Африки!». Мне нравилось легко произносимое и красивое слово «Ливия» и потому было особо жаль его страдающих жителей.

В огромное подпольное помещение барского дома засыпались на зимнее хранение и для корма колхозного скота картошка, свекла, турнепс, а мы, ребя-

тишки, знали туда ходы и выходы и играли там в полутьме в прятки, за что нас часто гоняли днем кладовщики, а вечерами – ночные сторожа.

Читая потом много литературы о раскулачивании и высылке в Сибирь и Казахстан зажиточных крестьян и кулаков (их называли еще «мироеды»), я до сих пор удивляюсь, почему такого не происходило у нас. Например, наш сосед дядя Коля имел до 1941 года несколько механических станков с ножным приводом, в частности, для токарной обработки древесины, установку для изготовления (у нас говорили для «витья») длинных и разной толщины веревок из льна и конопли и др. (Коноплю тогда выращивали в нашем колхозе и на частных участках очень много. Могла ли она пойти на изготовление наркотиков – не знаю, так как тогда об этом никто никогда ничего не говорил и соответственно «не кайфовал и не наркоманил».) Три крепких рослых сына дяди Коли работали еще в 1930-е годы на этих станках, изготавливая поделки по заказам жителей нашей и соседних деревень и каких-то организаций района. Даже я пытался точить деревянные кругляши на токарных станках, и кое-что у меня получалось. Отец говорил, что до революции сосед слыл очень зажиточным крестьянином и нанимал батраков для обработки земли и для других дел.

В 1958 году я увез из деревни родителей и с тех пор никогда на родине не был, хотя в нашей и соседних деревнях остались еще очень дальние родственники.

2. МОИ РОДИТЕЛИ

Мать – Анастасия Михайловна (Андреева) – родилась в 1896 году в нашей деревне. Ее родственников я никого не знал, кроме упомянутых выше Андреевых. Откуда пошла такая фамилия – тоже неизвестно. Почему-то родители при мне никогда никого из этих родственников не вспоминали, как и родителей матери. Так что ни дедушки, ни бабушки со стороны матери я не представляю. В школу мать тогда вообще не отдала, так как считалось, что учить девочек грамоте ни к чему, так как главная добродетель женщины – быть хорошей женой и матерью. Пришлось ей самостоятельно осваивать грамоту и счет, а в советское время посещать уроки «ликбеза» (курсы ликвидации безграмотности). Читать она любила и до самой смерти в возрасте 96 лет просматривала без очков газеты, обсуждая затем со всеми все новости. В начале 1914 года помещик сагитировал родителей матери отправить ее в Кронштадт поработать служанкой в семье хорошо знакомого ему морского офицера, где она могла бы многое увидеть и узнать. И мать уехала в Кронштадт и находилась там до момента выезда этой семьи в конце 1917 года за границу. Сохранилась фотография молодой матери того времени. Несколько раз она добрым словом вспоминала ту работу в крепости, но конкретно ничего не рассказывала, да мы и сами ее почему-то не расспрашивали. Вышла замуж она за моего отца в 1924 году. В советское время работала в сельскохозяйственной коммуне, затем – в колхозе. У нее был единственный родной